

Борис Лавренёв
Рассказ о простой вещи

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Б11

Б11 **Б. Лавренев**
Рассказ о простой вещи / Б. Лавренев – М.: Книга по Требованию, 2022. –
48 с.

ISBN 978-5-458-03522-4

ISBN 978-5-458-03522-4

«Книга по Требованию», 2022
© Б. Лавренев, 2022

Кинематограф.

Улица... Рассвет...

На стене косо и наспех наклеенный листок...

ЭКСТЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

*Красные покидают город. Части
доброармии вступили в предместье.*

*Население призывается к спокой-
ствию.*

Мимо листка проходит запыленный красноармеец. Тяжело воло-
чит винтовку.

Видит листок...

...срывает с бешенством и внезапной злобой.

Губы его шевелятся... Ясно, что он с надрывом и длинно руга-
ется.

Иностранец.

Зеркало в облезлой раме, с зелеными пятнами гнили на внутрен-
ней стороне, треснуло когда-то пополам, склеивали его неумелые
руки, и половинки сошлись неровно, под углом.

От этого лицо резалось трещиной на две части, нелепо ломалось,
и рот растягивался к левому уху идиотской гримасой.

На спинке стула висел пиджак, а перед зеркалом брился человек
в щегольских серых брюках и коричневых американских, тупоносых
полуботинках.

Голяря в пригородной слободке, между развалинами пороховых
погребов, была невероятно грязна, засижена мухами, пропахла са-
могоном, грязным бельем и гнилой картошкой.

И такой же грязный и лохматый, не совсем трезвый, хохол,
неизвестно зачем открывший свое заведение в таком месте, куда
даже собаки забегали только поднять ножку, обиженно сидел у окна
и искоса смотрел на странного посетителя, пришедшего ни свет ни
заря, чуть не выбившего дверь, отказавшегося от его услуг и на
ломаном русском языке потребовавшего горячей воды и бритву.

Пыльные стекла маленького окна вздрагивали ноющим звоном
от приближавшегося орудийного гула, и при каждом сильном ударе
брившийся поглядывал в сторону окна спокойным, внимательным
серым глазом.

В алюминиевой чашке, в снежных комках мыльной пены, золо-
тыми апельсинными отливами блестели завитки сбритой бороды и
усов.

Брившийся отложил в сторону бритву и намочил в горячей воде тонкий носовой платок. Обтер и попудрил лицо, достав из брюк карманную серебряную пудреницу.

Потрогал пальцем гладкие щеки и круглую ямочку на подбородке, и рот его, твердо сжатый и резкий, вдруг расцвел на мгновение беззаботным розовым цветком.

Но окно опять заняло от орудийного удара.

Хозяин вздрогнул и, как бы очнувшись, сказал хрипло:

– Жарять!.. Зовсим близко!..

– Comment?.. Что ви гаварит?

Иностранец быстро повернулся к хозяину и услышал обиженное ворчание:

– Що кажу?.. На ж тоби!.. Пъятдесят рокив казав – люды розумили, а теперь непонятково!.. Христиане розумиют, а на бусурманина мовы не наховаеш!

– А! – протянул иностранец.

И к вящему изумлению хозяина вынул из кармана маленькую коричневую аптекарскую склянку, откупорил ногтем глубоко увязшую пробку и вылил на блюде остро пахнущую жидкость. Намочил головную щетку и круглыми взмахами стал водить по прическе от лба к затылку.

Открыв рот, хозяин увидел, что намакавшие золотистые волосы потускнели и медленно почернели.

Иностранец встал, вытер голову платком и тщательно расчесал пробор.

Пристегнул воротничок, завязал галстук и, когда надевал пиджак, услышал нудный голос хозяина:

– От-то, оказия!.. Що це вы з волосьями зробили? Чи вы мабуть клоун, чи ще яке комедиянство?..

Иностранец легко улыбнулся:

– Ньет!.. Я ньет клоун, я купца! Мой имь Леон!.. Леон Кутюрье!

– Воно и видать, що нехристь!.. И имя в вас не людское, а неначе собаке... Куть... куть! Скильки ще гамна на свити!..

И хозяин с презрением плюнул на пол.

Леон Кутюрье снял с вешалки легкое пальто, нахлобучил на затылок котелок и сунул в руку хозяину крупную бумажку.

Хохол захлопал ресницами, но, прежде чем он опомнился, иностранец был на улице и зашагал вдоль садовых заборов к городу, из-за далеких труб которого рачительным и румяным хозяином скосоруилось солнце. Хозяин недоуменно смял деньги, мелкие морщинки его щек скрестились лукавой сеткой, и он хитро посмотрел в окно.

Качнул лохматой головой и произнес веско и ясно:

– Неначе скаженный!..

«Au revoir, храбру jeune homme!»

Был погожий и теплый предосенний день.

Леон Кутюрье беспечно пошел по тротуару в том же направлении, в котором двигались кучки муравьиных людей.

За широким раскатом настороженно опустелой улицы открылся старый парк, над сбегающим вниз обрывом, а под ним лениво лизала пески и ржавые глины обмелевшая, зеленоватая река.

Над самым обрывом белесой лентой легла аллея, огороженная чугунной резной решеткой, осененная столетними широколапыми липами.

Решетка взбухла грузом прижавшихся и повисших на прутьях человеческих тел.

На другой стороне реки, в заречье, покрытом прожелтью камышей, изрезанном синими червяками рукавов, по узкой гати двигались кучки крохотных рыжих букашек, поблескивая по временам металлическими искорками.

Когда Леон Кутюрье, беспрестанно извиняясь, приподымая котелок, протиснулся к решетке, издалека, слева, оттуда, где был вокзал, тяжело и надсадисто грохнули четыре удара, высоко вверх запел звоном и визгом разрезанный воздух, и над далекой гатью, на синем мареве сосняка, вспухли четыре белых клубка.

Ахнула общей грудью облепленная людьми решетка:

– А-аах!..

– Перелет, – сказал крепкий и уверенный голос.

Но не успел еще кончить слова, как взвыл снова воздух, и белые клубки повисли над самой гатью, закутав ее плотной пеленой.

– Вот это враз!.. Чисто сделано!

Рыжеватый и плотный в золотом пенсне, стоявший рядом с Леоном Кутюрье, плотоядно облизнулся.

Стало видно, как засуетились на гати рыжие мураши.

– Ага, не нравится! Попадет сволочам!

– Жаль, удерут все же!

– Ну, не все!.. Многие влипнут!

– Молодцы корниловцы!..

– Всех бы перехлопать!.. Хамье, бандиты проклятые!

Шрапнельные разрывы учащались, ложились гуще и вернее. Пожилой человек в широком пальто, стоявший об руку с хорошенькой блондинкой, повернулся к Леону Кутюрье.

– Как это называется... вот чем стреляют?
– Шрапнель, мсье!.. Такой трубка, который имеет много малень-
ка пулька. Очень неприятн! Tres desagreable!

Старик опять впился в горизонт. Блондинка, распушив губы и
взмахнув обещающе длинными ресницами, улыбнулась Леону
Кутюрье.

– Это карточное действие? – спросила она, видимо радуясь и
гордясь специальным термином.

– Oui, madame! Картешь!..

Леон Кутюрье прикоснулся к котелку и отошел от решетки.
Оглянувшись, увидел разочарованный взгляд, весело послал воз-
душный поцелуй и пошел по аллее, сбивая тросточкой мелкую
гальку.

Спустился по песку к воротам, на которых тусклым золотом
сверкал императорский, распластавший геральдические крылья,
орел. Обе головы ему сбили камнями досужие мальчишки.

Очутившись на улице, направился к спуску в гавань, но услышал
сзади переплеск криков: «...смотрите!.. едут!..» и звонкий грохот
копыт мчащихся лошадей.

Леон Кутюрье остановился на краю тротуара и взглянул вдоль
улицы.

Высоко взбрасывая белошкеточные ноги, брызгая пеной с заку-
шенного мундштука, впереди разъезда кавалерии, коней в тридцать,
летел золотисто-рыжий, почти оранжевый, английский скакун,
легко неся седока.

Молодой, раздумавшийся от скачки, азарта и хмеля удачи,
тонкий офицерик держал в опущенной руке обнаженную шашку, и
за его спиной вихрем метались длинные концы белого башлыка.

Он резко посадил коня на задние ноги у фонарного столба,
прислонясь к которому стоял Леон Кутюрье, и оглянулся, как будто
ища нужное лицо на тротуаре.

Очевидно, спокойная поза иностранца и хороший костюм про-
извели на него должное впечатление и, перегнувшись с седла, он
спросил:

– Милостивый государь! Какая самая краткая дорога к приста-
ням?

Леон Кутюрье восторженно улыбнулся:

– О, mon lieutenant! Ви видит эта улиц? Ездиль до перви поворот
эта рука... а droite! Там будет крутому спуску вниз, и ви найдет
пристань!

Офицерик отсалютовал шашкой и спросил еще:

– Вы иностранец?
– Oui, monsieur! Я француз!
– А, союзник!.. Да здравствует Франция! Напишите в Париж, мсье, что сегодня мы вдребезги раскатали краснопузую сволочь. Скоро Москва наша!

Леон Кутюрье восхищенно прижал руку к сердцу:

– О, mon lieutenant! Русску офисье... это... это le plus brave! Маршаль Фош сказал – русску арме одни голи куляк разбиваль бошки пушка, закончил он, с еле уловимой иронией.

Офицерик засмеялся: – Merci, monsieur!

Обернулся к отряду:

– За мной!.. Рысью... ма-арш! – и копытный треск пронесся по граниту к спуску.

Леон Кутюрье приветственно помахал вдогонку тростью и отправился дальше. На углу он остановился у разбитой витрины законченного магазина, оперся на ржавые перила и внимательно начал разглядывать валявшиеся на запыленных полках остатки товаров.

Поднял руку и с неудовольствием заметил, что манжета закраснела по краю пятном ржавчины.

– Sacrebleu! – сердито сказал француз и, вынув из кармана носовой платок, начал старательно стирать ржавчину.

До вечера, лениво и бесцельно, бродил он по улицам, встречая конные и пешие части входящих добровольцев, помахивая тросточкой и котелком, любезно улыбаясь, впутываясь в ряды пехоты, разговаривая с солдатами и офицерами, поздравляя с победой, кланялся, шаркал ножкой.

Лицо у него было милое, глуповато восторженное лицо фланера парижских бульваров, офицеры и солдаты катились со смеху от его невозможного выговора, но француз не обижался, смеялся сам, сутеллся и только по временам его, видимо, беспокоило пятно на манжете, потому что он часто вынимал из кармана платок и с французскими ругательствами яростно стирал злополучную ржавчину.

День уплывал за заречные леса. Вместе с влажной свежестью обыватели попрятались привычно по домам, – из боязни налететь на пулю нервного часового или нож бандита.

Крепкие каблуки Леона Кутюрье застучали по пустынному переулку.

Издали француз увидел отяжелевшие светом окна особняка, принадлежавшего богачу помещику, лошаднику, и занятого при красных под райком партии.

У подъезда угрюмо стыл громадный «Бенц», и на подушках автомобиля спал усталый шоффер.

На ступенях крыльца, вытянувшись и застыв, воплощением простой нерассуждающей силы, стоял часовой юнкер. На рукаве шинели в сумерках чуть виднелась сломанная углом красно-черная ленточка.

Леон Кутюрье поровнялся с окнами и увидел, как по комнате прошли, оживленно жестикулируя, два офицера.

Он остановился, чтобы рассмотреть лучше, но услышал хлопающий звук вскинutoй на руку винтовки и жесткий крик:

– Нельзя!.. Проходи!..

Кутюрье шагнул вперед.

– Нишево, господин сольдат!.. Я мирна гражданин, иностранец, если позволит! Леон Кутюрье! Мне иметь удовольствие поздравить православни армия с победа.

В голосе француза было такое обезоруживающее простодушие, глуповатое и ласковое, что юнкер опустил винтовку.

Француз стоял в полосе света, бывшего густой сметанной белизной из окна, с котелком на затылке, расставив ноги, приятно улыбаясь, и показался юнкеру похожим на веселого героя экранных проказ Макса Линдера, над лицами которого юнкер беззаботно смеялся в те дни, когда его рука предпочитала сжимать не тяжелый приклад, а нежную руку девушки в тишине темного кино.

Но все же он строго сказал:

– Хорошо, мсье! Но проходите! С часовым говорить нельзя!

– Mille pardons! Я не зналь! Я не военна!.. Ви наверно сторожит большая пушка?

Юнкер хохотнул:

– Нет!.. Здесь штаб командующего! Но проходите, мсье!

Леон Кутюрье отошел. Пройдя особняк, оглянулся. Неподвижная фигура юнкера высилась бронзовой статуэткой на ступенях. На тонкой полоске штыка играл серебряный холодноватый блеск.

Француз снял котелок и крикнул:

– Au revoir, господин сольдат! Я очень люблю храбру русску jeune homme!

Манжета.

Васильевская улица была тихой и сонной, утонувшей в старых садах, из которых выглядывали низкие особнячки.

За две недели до вступления белых, в квартиру доктора Соковина въехала по ордеру жилотдела, заняв две комнаты, артистка

Маргарита-Анна Кутюрье.

Мадам Соковнина вначале освирепела:

– Поселят такую дрянь, а потом разворует все вещи и уедет. И жаловаться некому!

И, злясь на жилищу, избегала встречаться с ней и не кланялась.

Но артистка не только ничего не вывезла, но еще привезла рояль и несколько кожаных чемоданов, набитых платьями, бельем и нотами.

У нее оказалось прекрасного тембра драматическое сопрано, сухой медальный профиль, холеные руки и великолепный французский выговор.

А когда, однажды вечером, она спела несколько оперных арий, спела, мощно бросая звуки, свободно и верно – лопнула пленка человеческой вражды.

Докторша вошла в комнату жилища, восхитилась ее голосом, разговорилась, предложила столоваться у них, а не портить себе здоровья советским питанием, и Маргарита Кутюрье стала своим человеком в семье Соковниных.

Мадам Марго пленила хозяев тактом, прекрасными манерами и восторженной и нежной любовью к мужу, застрявшему с весны в Одессе, которого Марго ждала с приходом белых.

В этот тревожный день, после стрельбы, конского топота и людской молвы по взволнованным улицам, мадам Марго вернулась к чаю возбужденная и веселая.

– О, Анна Андреевна! Я встретила на улице знакомого офицера!.. Он сказал... Леон в поезде командующего и будет сегодня к восьми часам, как только исправят взорванные рельсы за слободкой.

– Ну, поздравляю, дорогая! – ответила докторша.

Поэтому, когда за ужином все сидели в сборе: доктор, Анна Андреевна, Марго, дочь Леля, и из передней яростно задребезжал звонок, – за Маргаритой, выбежавшей с криком: «Ah, c'est mon mari!», последовали все.

В дверях стоял Леон Кутюрье. Жена с радостным смехом целовала его в щеки, он гладил ее по плечу и улыбался смущенно хозяйкам.

– О, mon Leon! О, mon petit. Je vous attendais depuis longtemps!

Француз что-то тихо сказал жене. Она схватила его руку и повернулась:

– О, я так счастлива, что даже забыла!.. Разрешите представить моего мужа!

Леон Кутюрье, низко склонясь, поцеловал руку хозяйки и крепко

сдавил руку доктора.

– Что же мы стоим в передней? Прошу в столовую! Впрочем, вы наверное хотите помыться с дороги?

Француз поклонился.

– Благодарю... Parlez-vous francais, madame?

– Un peu... trop peu! – смущенно ответила Соковнина.

– Шаль!.. Я говорю русску очень плок. Я не кочу ванн! Я имею обичка с дорога брать бань. С вокзаль я даваль везти себя в бань... le bain. Козяин пугальсь, кавариль: «какой бань... стреляйт». Но я даваль ему два ста рубль. Она меня купаль, а на улиц «бум-бумм!..»

Он так жизнерадостно весело рассказывал о бане, что хохотали все, и Соковнины и Маргарита, изредка взглядывавшая на мужа мимолетными настороженными взглядами.

За чаем гость ел с аппетитом, сверкал зубами и улыбкой, ломаным языком рассказывал о событиях в Одессе, о высадке цветного корпуса и бегстве большевиков...

– Скоря будет польн порадок... Я занималь опять la commerce, фабрика консерв... Маргарит будет петь на опера.

Он улыбнулся и вопросительно посмотрел на жену. Она поняла.

– Tu es fatigue, Leon? N'est-ce pas?

– Oui, ma petite! Je veux dormir... dormir...

– Да... да! Конечно, вам нужно отдохнуть после такой дороги. А где же ваши вещи, Леон Францович?

– О, у меня одна маленьки сак! Я оставляль его хозяин бань до завтра.

– Тогда возьмите пока белье Петра Николаевича!

– Не беспокойтесь, Анна Андреевна! Белье Леона у меня! – сказала француженка и покраснела мило и нежно.

– Merci, madame!

Леон Кутюрье еще раз поцеловал руку хозяйки и вышел за женой.

Войдя в комнату, наполовину загороженную роялем, француз быстро подошел к окну и посмотрел вниз, где смутно чернели плиты двора.

Круто обернулся...

... и спросил вполголоса.

– Товарищ Бэла!.. Вы хорошо знаете всю квартиру. Куда выходит черный ход?

– Во двор у дровяного сарая. Налево ворота. На ночь запираются. Стена в соседний двор – полторы сажени, но у сарая лежит легкая лестница.

– Вы молодец, Бэла!